

Громкое эхо древности

Трагическое и комическое в истории всегда переплетены: комедия высмеивает трагедию, трагедия высокомерно парит над бытом. Литераторы эпохи классицизма критиковали ренессансного Шекспира за подобное смешение стилей, но интерес к нему пережил тех критиков. И вот сегодня — среди трагической пандемии китайского пробирочного вируса, во время еще более трагического русского марта (он страшнее поступков леди Макбет) мне необходимо написать предисловие к новому переводу гения елизаветинской Англии: ну не комедия ли это? Писать или не писать — вот в чем вопрос!

Конечно, Б.А. Пастернак, по сути, не знал английского языка — и по подстрочнику профессора М.М. Морозова приукрасил мелкобуржуазного английского гения до уровня, приличествующего изучению его пьес младшими научными сотрудниками советских НИИ (а чем им еще заниматься: в Англию выехать советским «крепостным» не позволяли, разносолов в еде не было, шекспировского секса тоже), но цель искусства — красота. И свобода — поэтому мы можем больше любить вариант М.Л. Лозинского, а можем принять и новый перевод, публикуемый здесь. Кто лучше, кто хуже, не скажу — возможно, лучше оригинал Шекспира.

Популярный вопрос, ставший почти научным: кем был Шекспир? Действительно ли сын перчаточника, актер и театральный антрепренер был автором 38 пьес, 4 поэм, 3 эпитафий и 154 сонетов — или под его маской скрывается некий чиновник-аристократ, группа вельмож — или даже сама королева?! В рамках, «на сцене», данного предисловия я не назову своего окончательного вердикта — этой

большой теме я как ученый посвящу отдельную монографию. Однако уже сейчас я должен высказать несколько соображений и фактов, которые, некоторым образом, защитят Шекспира — и дадут возможность читателю «потрясать» копьём логики в бою с армией предположений. Поразительно, но нижеследующего показательного научного, логического эксперимента исследователи до меня не производили.

Так сложилось по драматургии судьбы, что у меня большой опыт не только историка, но и режиссера, я также и сам играл на сцене — в том числе, декламируя произведения Шекспира. Что сказать? Да, актер, по всему вероятию, по уровню своего интеллекта не может быть великим писателем, но гениальный писатель и поэт может играть на сцене (то есть быть актером). Из дошедших до нас обломков источников мы понимаем, что Шекспир был не ведущим актером, а лишь играл второстепенные роли (то есть актерство не было для него главным занятием). Кроме того, он был совладельцем труппы — то есть бизнесменом, менеджером, отчасти режиссером (в те времена подобной отдельной профессии еще как бы не существовало). Я вспоминаю моего коллегу и (несмотря на разницу в возрасте) друга — Юрия Петровича Любимова (я последний живой режиссер, с которым Любимов работал как актер). Он прожил, я бы сказал, две жизни — сначала в качестве актера (причем прославленного), затем как режиссер: создатель не только знаменитого театра, но и собственной стилистики. Мало кто знает, что практически все любимовские постановки последних лет — это его собственные пьесы (да, в качестве литературных обработок И.В. фон Гёте и дру-

гих интересных авторов, но тем не менее — это большой бумажный труд). Ему так было проще — Любимов сокращал, нарезал под собственную стилистику, да и авторский гонорар двойной... Но какое там образование у сына ярославского купца (которого вскоре после появления сына репрессировали), родившегося 30 сентября 1917 года? Дед же его по линии матери — вообще был цыганом. Но мы точно знаем: актер Любимов был великим режиссером, автором многих пьес и толстенных мемуаров.

Проходим сложно поверить в гения — ведь они сами не гении. Суть и свойство природного дара художника — за границами понимания обывателя.

Понимаете, мои дорогие друзья и враги, чем глубже в темнеющую даль веков — тем толще предположения, спекуляции и искренние фантазии. Но давайте проведем опыт: представьте себе, что от Леонардо да Винчи не осталось (по удачному стечению обстоятельств) колоссального корпуса собственноручных текстовых и графических оригиналов, нет биографии Джорджо Вазари. В такой ситуации я убежден, что обязательно нашлись бы те, кто заявили (а вы бы точно поверили): один человек не мог быть художником, скульптором, архитектором, анатомом, писателем, музыкантом и изобретателем! Он всего лишь сын сельского нотариуса и тупой крестьянки причем, бастарда. Университетов не кончал вообще.

Поместите А.С. Пушкина в XVI или лучше в XIV век — и вам точно создадут теорию, что камер-юнкер не мог сотворить все, что он сотворил, а за него трудилась шайка опричников, и иногда после бурной ночи с Федей Басмановым под псевдонимом «Пушкин» писал Иван Грозный (который, кстати, сватался к королеве Елизавете — то есть, возможно, он тоже написал часть сонетов Шекспира...). Тем более они похожи (ну, если сравнить рисунок школьника с гравюры собрания сочинений — с советской почтовой маркой). Представьте, что Наполеон Бонапарт жил, например, в VI веке нашей или не нашей эры. И что? Разве юноша с острова мог бы стать императором Европы? Разве один человек мог быть великим полководцем, капитальным государственным реформатором, геометром, писателем,

публицистом и надиктовать много томов исторических и мемуарных произведений? Скорее всего, Наполеона бы объявили группой нескольких военных и монархов. Но его годы жизни — 1769–1821: и у нас есть сотни тысяч подлинных документов, все личные вещи (вплоть до носков и зубной щетки). Кофейная пара Наполеона — чашка и блюдце — даже находятся в моей личной коллекции (равно как и несколько писем императора).

Если бы я сам жил в веке XI, то обыватель непременно бы поверил в версию, что под моим именем в хрониках скрываются совсем разные люди: отдельно ученый-историк, отдельно режиссер, отдельно актер, отдельно тенор, отдельно коллекционер, отдельно публицист.

Сомневающиеся обычно сетуют на огромный словарный запас Шекспира (по разным вариантам подсчетов, — от 17 500 до 29 000 слов). Действительно, язык Шекспира богат: как и язык камер-юнкера Пушкина... Я могу даже добавить: к примеру, в произведениях Шекспира встречается более 3000 упоминаний примерно 180 видов животных. Но мир Средневековья и Возрождения — это яркая сага бестиария, переполненная самыми разными существами. Даже в примитивных народных сказках и преданиях — сотни реальных и мифических животных. Об этом свидетельствует, например, трактат Эдварда Топселла «История четвероногих зверей» (1607).

Среди возможных «подлинных» авторов сочинений Шекспира чаще всего называют Роджера Меннерса, Френсиса Бэкона, Эдуарда де Вера, Кристофера Марло (но с ним проблема — он погиб в 1593 году: то есть до написания лучших произведений Шекспира) — и даже королеву Елизавету. Да, все вышеперечисленные получили хорошее (по тем временам...) образование, НО (большое «но»): во-первых, их словарный запас все равно значительно меньше, во-вторых, подобное же отличное образование получили их родители, их братья, их дети, их друзья, их враги — но никто не создал гениальных сонетов и драм! Шекспира упрекают в том, что он не был в Италии (хотя мы достоверно этого не знаем) — но и Пушкин не был в Испании, гениально описав эту страну! Сегодня миллионы бывают

в Италии (и вообще постоянно шляются туристами, засоряя мне пейзажи) — и что: кто-то создал «Ромео и Джульетту» или «Отелло»? Нет — и не создадут!

В елизаветинскую эпоху сюжеты гуляли по рукам, как и сами яркие фразы из пьес, часто драматургические вирши слагались в частичном соавторстве. Всегда есть место аллюзии, слуху, совпадению, наущничеству, подлости и лести, метафоре и намеренному, как бы сейчас сказали, «сливу информации»... Именно такими путями в «Гамлете» драматурга Шекспира могли появиться имена Розенкранца и Гильденстерна, с которыми меценат и дипломат Меннерс учился в Падуанском университете.

Мне вспоминаются строки Георгия Иванова:

... Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья...

Кстати, все происходит постепенно: я могу предположить, что в каком-то архиве или антикварной лавке еще будет обнаружен клочок с заветными письменами самого стратфордского гения. Хотя для той эпохи вполне вероятна и надиктовка (или комбинирование).

В чем, как мне представляется, важность работы Кирилла Шатилова: это большой труд по приближению перевода к первоисточнику. Подобный подход — всегда и приобретение, и потеря: мы получаем значение слов, фраз, но иногда уходит масштаб поэтической метафоры и порыва. Тем не менее изучение именно точного значения текстового материала переоценить сложно. Также необходимо отметить и большой энтузиазм переводчика в постижении истинного значения, как отдельной текстовой структуры — так и всего произведения в целом. Именно поэтому, не разделяя безапелляционные выводы относительно авторства произведений Шекспира, я очень ценю изыскания переводчика.

Главное в том, что Шекспир жив — и до сих пор волнует умы и сердца миллионов: то есть сегодня это количество даже больше, чем при его жизни! Он вызывает споры и битвы — значит, живет! Да и какая глубокая раз-

ница в том, кем был «Шекспир» — Роджером, Френсисом или еще кем-то: для нас ведь все это отвлеченные, так сказать, чужие люди, а АВТОР стихов — он именно свой, он близкий человек. Для меня Шекспир — это друг, который меня понимает с детства. Вот вам и ответ на вопрос — кто такой Шекспир...

Наблюдение за Шекспиром издали — это процесс и созерцание: такая ода к радости от тайны, от путешествия в тайну.

Шекспир — разный. Даже постановки «Гамлета» разнятся кардинально: от философско-интеллигентского фильма Г.М. Козинцева до натуралистической постановки выдающегося знатока Шекспира — Франко Дзеффирелли (с которым мне тоже посчастливилось быть в добрых отношениях).

Сегодня левая нечисть, эта чума последних двух веков, кричит, что хочет отменить и запретить «неполиткорректного» Шекспира. Ничтожеству, серости всегда ненавистна личность — ее искренность, гениальность, свобода, масштаб, простор! Но заменить гения не на что: распиаренные леваками дикари не сумели создать ни литературы, ни науки.

Я читал сонеты Шекспира и в тиши упоительной ночи — и под софитами со сцены: что могу сказать? Конечно, это писала не «королева-девственница» (которая не знала, куда сбыть тайно наделанных детей) и не «коллектив советских авторов». Это написал страдающий от любви Поэт. А людям — что? Если бы изначально все писали, что автор, например, философ и политик Бэкон — то непременно возникла бы «романтическая» (хотя в данном случае — более плебейская) гипотеза, что под его маской скрывался гениальный «свободный художник» — актер и режиссер Шекспир! А?! Вот если так развернуть «лодочку»? Задумайтесь.

Вольно или невольно главная пьеса Шекспира — это его загадка, его тайна, которая разворачивается перед нами удивительными сюжетами и пейзажами его творений. Так — за бесконечную же постановку Шекспира!

Это предисловие я бы хотел завершить в неакадемической манере: и вот обращение к пришедшему в храм моего текста:

Goodfriend, ты ради Дарвина
Не мудствуй лукаво —
И не цепляйся за отдельные слова,
В которых толку мало.

Прими, как солнце и луну,
Эмоцию ушедшего поэта —
Умей любить без меры,
Но мысли здраво...

«Гамлет»: литературный детектив

На основе нового, правильного перевода

Предисловие переводчика

В начале было слово

Кто же не знает «Гамлета»!

Однако я бы не спешил ставить восклицательный знак. И даже вопросительный. Ограничился бы многоточием. Поскольку опыт пристального исследования этого вопроса показывает: никто...

Пред вами книга, которая ни в коем случае не претендует на однозначно правильное прочтение знаменитой трагедии. Но, я надеюсь, приоткрывает завесу над многим из того, что вот уже скоро 400 лет не даёт покоя читателям и зрителям произведения, написанного великим английским бардом Шекспиром из Стратфорда. Кстати, я только что сделал в одном предложении пять фактических ошибок. Поэтому давайте начнём по порядку.

Никто не знает «Гамлета» — не правда ли, смелое заявление в наш просвещенный век. Просвещённый ли? Не спешите делать выводы. Самое примечательное, что незнание, точнее непонимание, произведений, подписанных *William Shakespeare*, во-первых, касается не только русского читателя, знакомого с ними по переводам, далеко не всегда аккуратным (мягко говоря), но и самих носителей современного английского языка. Я просмотрел немало фильмов, лекций, интервью с людьми, так или иначе задействованными в интерпретации заложенных в шейкспировские трагедии, комедии и истории мыслей, и убедился в том, что наиболее честные из актёров (даже актёров!) признаются в том, что не понимают многого из того, что с таким чувством произносят в зал или объектив камеры.

Например, вы ведь помните последние слова Гамлета, когда он умирает (ой, простите за спойлер, но надеюсь, что фабулу

произведения вы знаете) на руках Горацио? Правильно: *The rest is silence*. То есть, если «буквально» (хотя в английском, как вы скоро убедитесь, ничего буквального нет): «Остальное — тишина».

Но ведь все, кто когда-либо сталкивался с изучением языка Солнечного Альбиона, прекрасно знает, что тамошние слова — это всё равно что китайские иероглифы: их нельзя прочитать — их можно только узнать и озвучить; они делятся на существительные, глаголы и прилагательные не потому, что являются таковыми изначально, а строго в зависимости от положения в предложении, где существительное запросто может оказаться глаголом, если стоит там, где должно стоять сказуемое, или прилагательным, если встанет перед другим существительным и т.п.; в отрыве от контекста отдельные слова вообще теряют смысл (поэтому я в принципе отговариваю своих учеников их учить, как принято, а запоминать сразу конструкции, а ещё лучше — целые высказывания-штампы). Так вот, скажем, известный британский актёр театра и кино Джуд Лоу недавно признался в интервью, что когда произносил эти слова со сцены и в кадре, всегда считал, что говорит: «покой — это тишина». Поскольку иероглиф *rest*, как мы знаем из словарей, может быть и «остатком», и «покоем» (и глаголом «покоиться», а применительно к Банку Англии — так вообще «резервным фондом»).

Не только отдельные слова, но и сам язык, каким мы заставили его сегодня, зачастую совсем не тот, каким пользовались англичане тогда. Наше хрестоматийное онегинское «он уважать себя заставил», что сегодня понимается как «заставил себя уважать», а каких-то двести лет назад: «он умер» — это лишь один из примеров, каких на британской почве не счесть. Чего стоит одна только фраза *It likes me*, которая в «Гамлете» означа-

ет то же, что сегодня *I like it*. Или странное для нынешнего английского уха *How goes it* в значении *How is it going*. Нам-то с нашим русским подвижным языком что «Мама мыла раму», что «Раму мыла мама» безразлично, а вот попробуйте на экзамене задать вопрос в форме *Speak you English?* Знающий экзаменатор, конечно, улыбнётся, а кондовый «классик» того и гляди влепит «двойку», потому что «так не говорят». Нет, говорят, точнее говорили. И прекрасно понимали. Но, увы, то было в XVI веке.

Не стану удручать вас обилием примеров. Думаю, в общих чертах картина вам понятна, и можно двигаться дальше, к более интересному и насущному.

Поскольку вся эта книга посвящена тому, что нужно знать и иметь в виду, если хочешь правильно прочитать, перевести, сыграть или поставить «Гамлета», а основные мысли я подарил сноском по ходу текста и отчасти — Приложению, здесь я укажу лишь на некоторые основные моменты, без которых дальнейшее чтение будет, скажем так, не совсем полноценным.

Шекспир?

Забудьте это имя. И вовсе не в связи с неутраченным уже не одно столетие спором об авторстве 38 пьес и 154 сонетов (не считая кое-чего ещё, что пока не попало в «канон»). Вот уже несколько лет я вызываю возмущение сведущих филологов и просто читающих людей тем, что всегда пишу это имя через «й» — Шейкспир. Я не вредный, я не хочу выделиться, я лишь указываю тем самым на один принципиальный момент, который почему-то напрочь выпал из поля зрения русского академического сообщества.

Не будет большой беды, если мы продолжим называть столицу округа Колумбия Вашингтоном, а не Уошингтоном, как это делают сами американцы. Мы всегда поймём, о каком университете идёт речь, если кто-то вместо русского «Кембридж» скажет или напишет так, как его название звучит по-английски — Кеймбридж. Мы свыклись с Ватсоном, с Вестминстером. Мы слышали, что нулевой меридиан проходит через обсерваторию в Гринвиче, хотя в Англии такого городка нет, а есть Гринич. Как нет замечательного замка Уорвик, потому что есть Уорик. Американские ковбои скакали и скачут по прериям Техаса, а не Тэксиса. Первым

автором «ужастиков» и детективов для нас всегда был и будет Эдгар По (хотя он Поу), а автором «Пигмалиона» и других замечательных произведений — Бернард Шоу (хотя он, наоборот, Шо). Это глупо, это при желании можно поправить, но, как говорится, не смертельно. А вот в нашем с вами случае — архиважно!

От того безграмотного ростовщика, что умер в апреле 1616 года в городке Стратфорд, что на Эйвоне (одном из двух, хотя вообще-то говорят, что речек с таким названием в Британии штук пять, поскольку слово *avon* раньше означало именно то, что сегодня зовётся словом *river*), не осталось ничего, кроме шести подписей, сделанных дрожащей рукой (которой, возможно, водила другая, более грамотная) на страницах завещания¹ и деловых бумагах. Вот как они сегодня расшифровываются: *Willm Shakp, William Shaksper, Wm Shakspe, William Shakspere, Willm Shakspere, William Shakspeare*. Странное разнообразие, но ничего, подумаешь, бывает, не правда ли? Конечно. Если бы не одно их сходство. Которое подтверждается надписью на надгробной плите и любым упоминанием фамилии этого человека — отсутствие буквы *E* после *K*. Это отличие тем более разительно, что на всех без исключения изданиях фамилия автора всегда писалась с *E* — *Shakespeare* или *Shake-speare*. В связи с этим сегодня все англоязычные исследователи данного вопроса (убеждённые, разумеется, в отсутствии тождественности этих двух фамилий) называют ростовщика Шакспир, а автора пьес — Шейкспир. Те, кто тупо верят, что это один и тот же человек, не обращают внимания на подписи, на надгробную плиту и другие прижизненные артефакты и называют обоих Шейкспир. Но только не Шекспир.

Ни здесь, ни далее ни по одному вопросу я не собираюсь никого из вас, уважаемые читатели, убеждать. Я только излагаю общедоступные факты, а выводы из них можете делать сами — в силу образованности, доверия к чужому мнению, доверия к учебникам и т.п.

Кто написал трагедию «Гамлет»

Когда в 1769 году знаменитый лондонский актёр по имени Дэвид Гаррикс приехал на родину своего любимого автора, в Страт-

¹ Подробности можете почитать на сайте shakespeare.jimdo.com

форд-на-Эйвоне, он был шокирован тем, что никто из односельчан великого Барда о нём как будто даже не слышал, и уж тем более никакого ажиотажа вокруг его имени не наблюдалось.

Другой бы, вероятно, приуныл, но наш Гаррик, напротив, приободрился. Он понял, что наткнулся на золотую жилу...

Грязенькую деревеньку кое-как отмыли и почистили, и Гаррик стал проводить в ней «юбилей» в честь возрождённой им «звезды». Хотя от семейства Шакспера не осталось и следа, был заново выстроен «дом Шейкспира», по сусекам найдена кое-какая мебель (весьма скудная и вневременная, о чём я могу судить по собственным наблюдениям, описанным в книге путевых заметок «Солнечный Альбион»), были придуманы «сувениры», хранившие, вероятно, тепло рук знаменитого Барда, а главное — открылись рестораны и пивнушки типа «У Шейкспира». Сам же Гаррик получил, точнее, создал себе не только вкусные проценты со всего происходящего как устроитель, но и возможность играть на сцене главные роли. В Стратфорда потянулись туристы, ну а остальное вы уже можете увидеть сами, если будет некуда девать лишней пары тысяч фунтов.

Так началась легенда о гениальном — необразованном, но чрезвычайно талантливом — самородке Уильяме, которая сегодня так или иначе кочует из книги в книгу, из учебника в учебник, из фильма в фильм. Ниже позволю себе привести отрывок из последней прижизненной книги Марка Твена (вообще-то Туэйна, ну да ладно) «Умер ли Шейкспир?»²:

Он родился 23 апреля 1564 года.

У родителей, которые были добрыми крестьянами, не умеющими читать, не умеющими писать, не умеющими подписываться собственными именами.

В Стратфорде, маленьком захолустном поселении, которое в те дни было убогим, нечистым и поголовно безграмотным. Из девятнадцати человек, обременённых ролью правителей города, тринадцать были вынуждены «ставить крестики» на важных документах, поскольку не знали, как пишутся их имена.

О первых восемнадцати годах его жизни не известно *ничего*. Пустое место.

² Скачать или заказать книгу можно по адресу ridero.ru/books/umer_li_sheikspir

27 ноября (1582) Уильям Шакспир взял разрешение на сочтание браком с Энн Уэйтли.

На следующий день Уильям Шакспир взял разрешение на сочтание браком с Энн Хатауэй. Она была на восемь лет его старше.

Уильям Шакспир женился на Энн Хатауэй. В спешке. По милости неохотно данного освобождения от обета появилось лишь одно объявление о предстоящем бракосочетании.

Через шесть месяцев родился первый ребёнок.

Последовали два (пустых) года, на протяжении которых *с Шакспиром не произошло ничего*, о чём хоть кто-нибудь что-нибудь бы знал.

Потом появилась двойня — 1585 год. Февраль.

Следуют два пустых года.

Затем — в 1587 году — оставив семейство, он наносит десятилетний визит Лондону.

Следуют пять пустых лет. За это время, насколько всем известно, *с ним не происходит ничего*.

Затем — в 1592 году — его упоминают как актёра.

На следующий — 1593 — год его имя появляется в официальном списке исполнителей.

В следующем — 1594 — году он играл перед королевой. Не относящаяся к делу подробность: прочие безвестные актёры делали это каждый год на протяжении сорока пяти лет её правления. И оставались безвестными.

Следуют три изрядно наполненных года. Наполненных театром. Затем...

В 1597 году он купил Нью Плейс в Стратфорде.

Следуют тринадцать или четырнадцать лет, годы, на протяжении которых он копил деньги, а также репутацию актёра и импресарио.

Тем временем его имя, записываемое на разные лады, стало ассоциироваться с рядом замечательных пьес и стихотворений как их (якобы) автора.

Некоторые из них в те годы и позже были заимствованы, однако он не протестовал. Затем — в 1610–1611 — он вернулся в Стратфорд, где поселился навсегда, занявшись ссудой денег, торговлей церковными десятинами, землёй и домами; уклоняясь от долга в сорок один шиллинг, занятых женой во время его долгого отъезда из семьи; таская по судам должников за

шиллинги и медяки; оправдываясь в суде за шиллинги и медяки и пособничая соседу, который попытался лишить город прав на некий земельный надел, но безуспешно.

Пять или шесть лет — до 1616 — он прожил в радости сих великих дел. Потом составил завещание и подписал каждую из трёх страниц своим именем.

Завещание настоящего дельца. В нём поименован в мельчайших деталях каждый предмет его собственности на этом свете — дома, земли, меч, позолоченная серебряная чаша и так далее... вплоть до «второсортной кровати» и её фурнитуры.

Оно подробно и расчётливо распределяло его богатства между членами семейства, не оставив без внимания никого. Даже его жены: жены, на которой он смог жениться в спешке по срочной милости особого освобождения от обета до того, как ему исполнилось девятнадцать; жены, которую он оставил без мужа на столько лет; жены, которой из-за нужды пришлось одалживать сорок один шиллинг, так никогда и не полученный от преуспевающего супруга кредитором, так и умершим, их не дождавшись. Нет, даже эта жена была упомянута в завещании Шакспира.

Он оставил ей эту самую «второсортную кровать».

И ничего более, ни единого пенни, чтобы благословить её счастливое вдовство.

То было в высшей степени завещание дельца, а не поэта.

В нём не упоминалась *ни единая книга*.

Книги в ту пору были гораздо ценнее мечей, позолоченных серебряных чаш и второсортных кроватей, так что когда умирающий обладал хотя бы одной, он заносил её в завещание на почётное место.

В завещании не упоминалось *ни пьесы, ни стихотворения, ни незаконченного литературного труда, ни клочка рукописи*.

Многие поэты умерли в бедности, однако он единственный за всю историю, который умер *настолько* бедным; все прочие оставляли после себя какое-нибудь литературное наследие. И книжку. Или две.

Поскольку все эти «факты» ставили крест на версии Гаррика, интеллигентные люди, не связанные с «нефтяной скважиной» Стратфорда, стали задумываться, кто же из современников Шакспира мог иметь моральное право подписывать столь

выразительные, умные и явно что-то скрывающие в себе произведения псевдонимом «Шейкспир». О том, что это именно псевдоним, ни у кого из них сомнений не было, поскольку в половине случаев это слово вообще писалось через дефис — Шейк-спир — как не пишется ни одна фамилия. Кроме того, этот псевдоним сразу наводил на ассоциации о «потрясающих копьями», к пантеону которых относилась и Афина Паллада, десятая муза — покровительница вольнодумных поэтов, и близнецы Диоскуры — Кастор и Поллукс.

Стали анализировать многочисленные источники. Обнаружилось если не огромное, то достаточно большое количество связей «копьетрясов» с незаслуженно позабытыми (в широких кругах, разумеется) именами Фрэнсиса Бэйкона, Эдварда де Вира, Кристофера Марлоу и целого ряда других писателей, поэтов и представителей сочинительствующей аристократии. В нашем отечественном шекспироведении тоже иногда раздаются голоса в пользу той или иной теории авторства, но я не буду их касаться в силу того, что авторы дружно не видят вопиющего факта и исправно пишут «Шекспир», чем невольно вызывают у меня сомнения в адекватности их дальнейших теорий. Шекспира не существует в принципе, дамы и господа. Если хотите рассуждать, называйте вещи своими именами: либо Шакспир, либо Шейкспир...

Что касается буржуазных филологов, историков, философов и просто людей интересующихся, то сегодня мир распался на множество враждующих между собой лагерей, из которых самыми крупными оказываются три: стратфордианцы, для которых факты, изложенные тем же Марком Твенном, — не указ; бэйконианцы, считающие, что всё шейкспировское написано Фрэнсисом Бэйконом; и оксфордианцы. Последние не понимают, как можно не видеть в авторе того же «Гамлета» или сонетов Эдварда де Вира, 17-го эрла Оксфордского.

Кстати, сразу же оговорюсь, что в нашей литературе и истории название его рода (*de Vere*) тоже транскрибируется ошибочно — де Вер. Достаточно послушать, как его произносят носители языка, рифмуя *de Vere* и *fear* ([фиа], «страх»), чтобы всё стало на свои места.

Я заинтересовался этой темой, можно сказать, в юности, однако долгое время не придавал её сути должного значения (и тоже тупо сравнивал Шекспира и... Шекспира). Несколько

лет назад, трудясь над очередной «репетиторской тетрадь» (коих на данный момент опубликовано три под общим названием «Неожиданный английский»), я описывал очередное английское крылатое выражение, пришедшее в обиход из «Ромео и Джульетты», заинтересовался, заглянул в «перевод» Пастернака, обнаружил, что целый фрагмент оригинального текста Борис Леонидович просто не заметил (включая искомую фразу), и сам взялся за перо, в результате чего получился мой «новый, правильный перевод»³. Потом я помог пробиться к русскому читателю упомянутому труду Марка Твена и вот, наконец, видимо, финальная точка — «Гамлет».

Но я не о том...

Последние года три я внимательно присматривался к спорящим лагерям, пересмотрел и переслушал много часов диспутов, лекций и фильмов, перечитал уйму посвящённых вопросу авторства книг и статей⁴ и постепенно пришёл к собственному мнению. Которое также не хотел бы навязывать читателю, способному самостоятельно заглянуть в Приложение и обнаружить довольно подробные жизнеописания как Фрэнсиса Бэйкона, так и Эдварда де Вира, и решить, насколько я прав или ошибаюсь. Следующий абзац можете смело не читать, поскольку в нём будет очередной спойлер...

Я исхожу из того, что если какое-то явление объяснимо с разных точек зрения, значит, скорее всего, эти точки зрения имеют равное право на существование. Зачем вставать в позу, скандалить и доказывать, мол, «Только он был Шейкспиром!», если из масштаба наследия и разноплановости стиля очевидно, что автором едва ли был один-единственный человек? Тем более что в жизни всех кандидатов, как упомянутых здесь, так и нет, был очень чёткий период участия в литературно-философских обществах (или, как в случае с Бэйконом, их создания), благодаря чему мы сегодня совершенно спокойно можем говорить о коллективном авторстве. Таким образом, на мой взгляд, по-своему правы и те и другие. Скажем, в случае с «Гамлетом» читатель увидит, насколько события трагедии, языковые аллюзии, даже даты первых изданий связаны с судьбой елизаветинской Англии в целом и Эдварда де Вира в частности, однако в них же время от времени

³ Подробности по адресу ridero.ru/books/tragediya_romeo_idzhuletty

⁴ Перечень наиболее интересных приводится в Приложении.

видна направляющая рука учёного — Фрэнсиса Бэйкона, которому была важна идея и символика, а уж по части шифрования текстов мало кто мог его превзойти.

Почему Гамлет

В смысле, почему героя трагедии зовут Гамлет, а не Гарольд Синезубый, Стойкий оловянный солдатик или как-нибудь ещё.

Хотя в Приложении вы найдете на эту тему отдельную статью, посвящённую первоисточникам, откуда авторы черпали фэбулу, здесь я позволю себе высказать собственное крамольное мнение.

Обычно принято считать, что произошло это потому, что в упомянутых источниках героя звали либо Хам, либо Амлет. Более того, официальная «наука» считает, что Гамлетом Гамлета Шакспир назвал потому, что его собственного, единственного и, увы, умершего в одиннадцатилетнем возрасте сына звали Гамлет. Хотя вообще-то его звали Гамнет, через «н». И родился он в 1585 году, то есть, по моим нехитрым подсчётам, через три года после написания трагедии⁵.

Чтобы разобраться, что к чему, необходимо, как водится, заглянуть в оригинал. Поскольку сразу выяснится, что наш с вами Гамлет — не Гамлет, а Хэмлет (*Hamlet*). В английских словарях это существительное переводится как «маленькая деревенька». Недавно я смотрел весьма интересный американский документальный сериал о войне во Вьетнаме, так в нём все тамошние населённые пункты, которые янки штурмовали и сжигали, назывались как раз «хэмлетами». То есть если бы мы с вами были англичанами, то для нас герой трагедии ходил бы под фамилией Деревенькин или вроде того.

Но не только.

Потому что в английском языке есть ещё такое вкусное слово, как *ham*, что означает «ветчина». А суффикс *-let* используется как уменьшительный, откуда мы имеем, к примеру, *booklet*, буклет, иначе говоря, маленькую книгу. Таким образом, наш Деревенькин плавно становится Ветчинкиным.

«Ветчина» вообще у «Шейкспира» слово интересное и довольно часто используемое. Автор «Гамлета» называет им

⁵ Об этом вы узнаете из дальнейшего прочтения книги.

даже поджилки, которые трясутся у старого Полония. Чаше чем ветчина встречаются разве что её носители — свиньи, боровы, кабаны и т.п. Ничего не напоминает? Тогда вспомните, с чем у нас ассоциируется типичный английский завтрак? Если, конечно, не с овсянкой. Разумеется: яичница с беконом. «Бекон» пишется по-английски *bacon*, читается «Бэйкон» и является фамилией упомянутого выше Фрэнсиса Бэйкона, которую наша традиция зачем-то заставляет писать вообще Бэкон (ну и писали бы тогда как ветчину — Бекон).

Из дальнейшего вы также узнаете, что кабан присутствует на фамильных гербах как Бэйконов, так и де Виров.

К концу книги вы будете знать причины наречения почти всех персонажей трагедии, честное слово.

Только и это ещё не всё.

К атрибутам Афины Паллады, как известно, относилось не только потраченное ею копье, но и шлем. Именно в его честь то общество единомышленников, которое собрал вокруг себя Фрэнсис Бэйкон, называлось «Рыцари Шлема». По-английски «шлем» — *helmet*, германская этимологическая основа которого — *helm* — вошла в имя Шейкспира, поскольку Уильям (*William*) — это то же, что какой-нибудь немецкий *Willhelm*. Ведь даже французский захватчик Англии, известный нам как Вильгельм Завоеватель, в английской традиции зовётся тем же Уильямом. Но важно даже не это, а то, что сочетание *will helm* (о чём речь ещё будет дальше) воспринималось последователями Бэйкона как «шлем воли» (Волей — *Will* — королева Елизавета называла Эдварда де Вира, когда была к нему благосклонна). Кстати, вы ведь наверняка знаете, что в русский язык слово «тарелка» пришло из германских языков в форме «талерка»? Это я к тому, что, надеюсь, не одному мне мнится звуковое сходство слов *Hamlet* и *helmet*.

Что здесь переведено

Подробности вопроса о редакциях трагедии «Гамлет» вы также можете найти в Приложении. Здесь я лишь дам короткое пояснение.

Официальных версий «Гамлета» три. Первая (1603) называется «плохим кварто». Я всюду дальше сокращаю это название до К1. Вторая (1604) называется «2-е кварто» (К2). Тре-

тья вошла в первый полный сборник произведений «Шейкспира» (1623), который называется «1-й фолио» (Ф1). К2 больше К1 практически в два раза, однако короче Ф1 на 77 строк. Всего же строк, совпадающих в К2 и Ф1 идеально, то есть без замены и искажения слов — только 200. Можете себе представить, каких трудов англичанам стоят попытки собрать воедино хотя бы две последние версии!

До обнаружения в начале XIX века К1 не было даже толком разделения «Гамлета» на действия и акты. О всяких ремарках (такой-то уходит, говорит в сторону, приходят такие-то и т.п.) и говорить не приходится. Не знаю, кому как, а мне это обстоятельство красноречиво говорит о том, что, вопреки царящим канонам, произведения «Шейкспира» писались не столько для сцены, сколько для... прочтения, когда важны не столько действия, сколько смысл фраз.

Сегодня английские издатели начинают вводить в практику публикацию всех трёх редакций как есть, отдельно. Нам с вами такая радость не угрожает, нам хватает различных версий переводов, которые и без того отражают оригинальный текст лишь в некотором приближении. Поэтому мне ничего не оставалось делать, как пользоваться максимально полной компиляцией английских исходных редакций в том виде, в каком вы, скорее всего, столкнётесь с «Гамлетом» в классических фильмах или театральных постановках⁶.

Как читать

Как хотите. Если вас не интересует ничего вокруг «Гамлета», кроме непосредственно текста, читайте на здоровье, не обращая внимания на сноски и уж тем более на Приложение. Очень надеюсь, что сам по себе поэтический язык трагедии таким, каким я его услышал, придётся вам по душе.

Однако я бы на вашем месте поступил несколько иначе: дочитал это ни к чему не обязывающее предисловие, затем взглянул в конец, в Приложение, и ознакомился с биографиями Фрэнсиса Бэйкона и Эдварда де Вира, а уж затем стал читать

⁶ Судя по постановке 2015 года, где роль Гамлета кричал и плакал Бенедикт Камбербэтч, современные театральные режиссёры Великобритании считают себя в праве корёжить исходник так, как им хочется.

текст, постоянно сверяясь со сносками, благо они там в большом количестве чуть ли не на каждой странице.

Оставшуюся информацию из Приложения почерпнул бы под занавес.

Последние оговорки

Хороший спортивный комментатор отличается от плохого тем, что рассказывает не о том, что зрители и так видят, а о том, что от них скрыто. Он говорит не о том, как, а о том, почему. . .

В этой книге я ни в коей мере не ставил перед собой задачу открыть что-то новое в интерпретации чувств и мотиваций персонажей. Мы все взрослые люди, все смотрим на мир по-разному, а «Гамлет» — как раз одно из тех произведений, которые привлекают к себе постоянное внимание многоплановостью прочтения и восприятия. Поэтому мне было неинтересно делать пометки о том, что имел в виду Гамлет с моральной точки зрения, когда говорил «быть или не быть», насколько Лаэрт является в сущности его братом-близнецом по несчастью, выпила ли королева вино, зная или не зная о том, что в бокале яд, и т.д... Это решать вам — актёрам, режиссёрам, литературоведам и просто читателям. Я подавал голос, если мне было что сказать по поводу скрытого смысла непосредственно употреблённых слов.

Далее. Как сказал не то Гёте, не то его друг Сафир, «переводы как женщины: если верны, то некрасивы, а если красивы, то неверны». Не стану долго распространяться по поводу своего подхода к переводу, тем более к переводу поэтического, который по умолчанию всегда акт соавторства, а не рабского подчинения. Я стараюсь смотреть на вещи «просто» (именно в кавычках, поскольку это самое сложное), то есть останавливаться против каждой строки и задаваться единственным вопросом: если бы Бэйкон или де Вир писали по-русски, как бы они передали эту мысль? Правда, по сравнению с моими предшественниками, я считаю, у меня было одно преимущество: поскольку я изначально предполагал, кто и почему писал эти строки, я знал, на что нужно обращать

наиболее пристальное внимание, что во фразе непременно нужно оставить, а что — обычное слово, которое можно опустить или заменить.

Тем, кто будет читать «Гамлета» впервые, стоит приготовиться к тому, что большая часть трагедии написана пятистопным ямбом. В тех местах, где персонажи особенно взволнованы, динамизм их речи усиливается «рваными» строками из двух-трёх ямбов. Кроме того, большая часть этих самых ямбов нерифмованна, за исключением нескольких случаев парных рифм, которые (при отсутствии формального деления на сцены и акты в ранних редакциях) указывали, как я понимаю, на концовку одного главного действия и переход к следующему. Рифмой обладают также поэтические вставки и песни. Когда разговор начинает касаться совсем уж прозаических тем (некоторые исследователи считают их «правдивой информацией» на фоне остальных «неискренних» речей), персонажи переходят на обычную прозу.

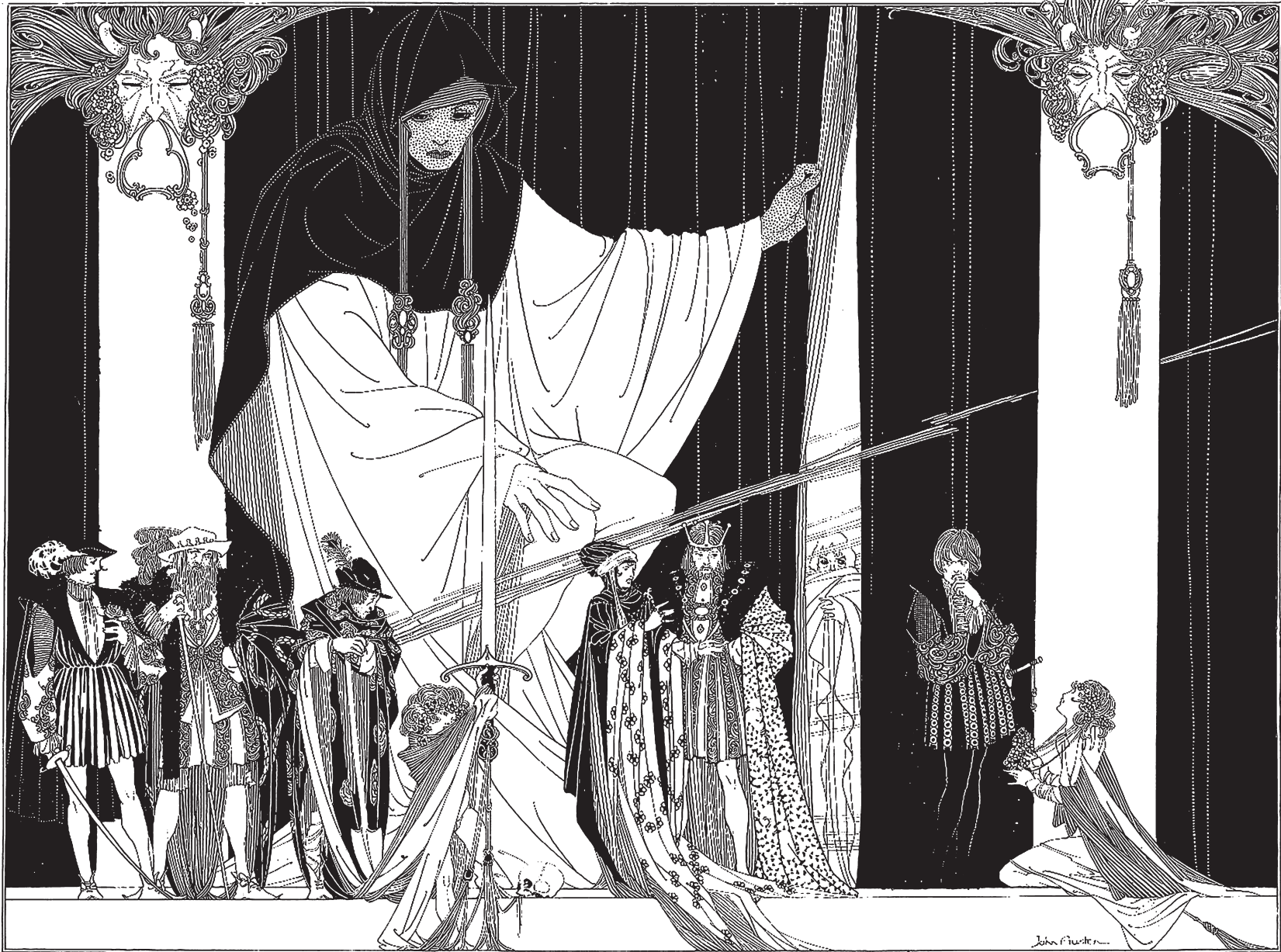
Также обратите внимание на употребление обращений «ты» и «вы». Поскольку в английском языке того времени эти местоимения существовали на равных и понимались примерно так же, как в русском, то есть «ты» мы говорим близким друзьям или тем, кого не уважаем, а «вы» — тем, кого уважаем, либо, напротив, с кем хотим держать дистанцию, в «Гамлете» мне ничего домысливать в этом отношении не приходилось. Поэтому вы увидите, как герои в зависимости от настроения могут резко переходить с «вы» на «ты» и наоборот.

Хотя я ревностно отстаиваю свою идею правильного написания таких фамилий, как Шакспир, де Вир или Бэйкон, в остальных случаях я поднимаю своё копьё и послушно использую те написания (имён, городов и т.п.), которые чаще всего встречаются в наших учебниках, справочниках и Интернете. Согласитесь, не настолько принципиально называть Генрихов Хенрихами, если тем более так зовут короля, о жизни которого вам, возможно, захочется узнать больше самостоятельно. Поэтому сразу прошу въедливого читателя меня извинить за определённую непоследовательность. Она сознательная.

Приятного чтения!

DRAMATIS PERSONÆ

Действующие лица:

Клавдий, король Дании

Гамлет, сын бывшего и племянник нынешнего короля

Фортинбрас, норвежский принц

Горацио, друг Гамлета

Полоний, лорд-камергер

Лаэрт, сын Полония

Вольтиманд, Корнелий, Розенкранц, Гильденстерн, Озрик, дворянин, придворные

Священник

Марцелл, Бернардо, офицеры

Франциско, солдат

Рейнальдо, слуга Полония

Капитан

Актёры

Английские послы

Два крестьянина, могильщики

Гертруда, королева Дании и мать Гамлета

Офелия, дочь Полония

Господа, дамы, офицеры, солдаты, моряки, глашатаи и другие слуги

Призрак отца Гамлета

DRAMATIS PERSONÆ

CLAUDIUS, *King of Denmark.*

HAMLET, *Son to the late, and Nephew to the present King.*

FORTINBRAS, *Prince of Norway.*

HORATIO, *Friend to Hamlet.*

POLONIUS, *Lord Chamberlain.*

LAERTES, *his Son.*

VOLTIMAND, CORNELIUS, ROSENCRANTZ, GUILDENSTERN, OSRIC, *A Gentleman, Courtiers*

A Priest.

MARCELLUS, BERNARDO, *Officers.*

FRANCISCO, *a Soldier.*

REYNALDO, *Servant to Polonius.*

A Captain.

Players.

English Ambassadors.

Two Clowns, *Grave-diggers.*

GERTRUDE, *Queen of Denmark, and Mother to Hamlet.*

OPHELIA, *Daughter to Polonius.*

Lords, Ladies, Officers, Soldiers, Sailors, Messengers, and Attendants.

Ghost of Hamlet's Father.